

ЛОЛА
МАГНУМ

современный любовный роман

КОЗЕЛ

В
(НЕ) ПОЛУЧИШЬ
МЕНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лола Магнум

Ты (не) получишь меня

«Автор»

2026

Магнум Л.

Ты (не) получишь меня / Л. Магнум — «Автор», 2026

Ева Соколова чинит машины и терпеть не может наглых богачей. Особенно тех, кто сносит её зеркало и предлагает «назвать сумму». Она выливает кофе в салон его Lamborghini и считает инцидент закрытым. Но Максим Горин так не считает. Он покупает здание, где находится её гараж, и становится её новым арендодателем. Теперь они — соседи, и война только начинается.

© Магнум Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КОЗЁЛ. ТЫ МЕНЯ (НЕ) ПОЛУЧИШЬ	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Знакомство с героями	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лола Магнум

Ты (не) получишь меня

КОЗЁЛ. ТЫ МЕНЯ (НЕ) ПОЛУЧИШЬ

Аннотация:

Ева Соколова чинит машины и терпеть не может наглых богачей. Особенно тех, кто сносит её зеркало и предлагает «назвать сумму».

Она выливает кофе в салон его Lamborghini и считает инцидент закрытым. Но Максим Горин так не считает.

Он покупает здание, где находится её гараж, и становится её новым арендодателем.

Теперь они — соседи, и война только начинается.

Глава 1

Я бы сказала, что это тактика. Город делает вид, что он живой организм, которому плевать на графики сна и бодрствования. На самом деле ему просто нравится наблюдать, как мы, маленькие люди, пытаемся вписаться в его ритм.

Москва не спит, потому что ей так удобно — видеть нас вымотанными, с кофеиновой дрожью в пальцах, вечно куда-то спешащими. Я с этим давно смирилась.

Более того — я была с этим категорически согласна. Потому что, когда город не спит, можно спокойно доехать с кофе с заправки до дома, не опасаясь, что кто-то вцепится тебе в задницу на пустой дороге. Теоретически.

В половине двенадцатого ночи я выруливала с заправки на Садовом, балансируя между стаканом обжигающего кофе в правой руке и рулём своей «семёрки» — папиной гордости и моего проклятия — в левой.

Машина была старая, с рыжими пятнами по бокам, на холостых она кашляла и хрипела, как простуженный морж, которому срочно нужен ингалятор. Но я любила эту ржавую консервную банку.

Потому что папа. Потому что это неприкосновенно.

Кофе пах надеждой. Знаете, такой специфический запах, когда ты понимаешь, что завтра будет день, и ты его переживёшь, даже если для этого придётся выпить ещё три таких стакана.

День выдался тот ещё.

Три ремонта: один — капризная иномарка, которая чихала на все мои инструменты, второй — хлам, который надо было «оживить» за полчаса до закрытия, третий — сломанный кондиционер, который я чинить не умею, но клиент настаивал.

Плюс два скандала: женщина, которая требовала скидку «за красивые глаза», и мужчина, который утверждал, что я поцарапала ему бампер, когда он сам въехал в столб.

Плюс мой любимый домкрат, который на третьем подъёме решил, что он слишком стар для такой жизни, и сложился пополам.

Ну, и финансовый отчёт. Его я заполняла в обед, когда отчаялась дождаться спокойной минуты. Посмотрела на цифры и поняла: это не отчёт, это некролог.

Аренда выросла. Управляющий сказал «незначительно». Я посмотрела на сумму, и меня перекосило. «Незначительно» — это когда тебе повысили плату за коммуналку на сто рублей. А тут...

Я остановилась на светофоре. Красный.

Сделала глоток обжигающе-горького, настоящего кофе, и закрыла глаза.

Бля...

Всего-то на три секунды, ровно. Это мой личный рекорд — три секунды тишины, чтобы не слететь с катушек. Один... два... три.

Светофор переключился на зелёный, я открыла глаза, и в следующую секунду моя жизнь, такая привычно-раздражающая, превратилась в грохот и злость.

Чёрный Lamborghini вылетел с парковки торгового центра прямо мне в бок. Он был красивый, быстрый, наглый.

С полным игнорированием знака «уступи дорогу», с таким чувством собственной важности, будто асфальт стелился перед ним по личному приказу.

Мудак, сидевший за рулём, видимо, раздуплился в последнюю секунду, и удар был получен не сильным, так, коснулся.

Но моего зеркала это коснулось фатально. Оно отлетело к чёртовой матери, со звоном покатилося по асфальту и замерло у бордюра, как бомж, который просто устал от жизни. Я даже

не успела выругаться. Я просто смотрела, как этот чёрный зверь притормаживает на секунду, будто раздумывая, стоит ли выходить и разбираться.

Потом решил, что не стоит, и покотил дальше. Лениво, нагло, как будто сбивать зеркала у нищих на «семёрках» — это часть его джентльменского набора между «химчисткой» и «ужинком в ресторане».

Я ошалело и неверяще смотрела на удаляющуюся тачилу, остервенело сжимая руль. Кофе всё ещё грел руку. Потом я медленно поставила стакан в подстаканник, выдохнула, и вдавила педаль газа в пол.

Целых аж семьдесят лошадиных сил моей «семёрки» взревели, как раненый зверь. Догнать Lamborghini на «семёрке» — это как пытаться догнать ракету на самокате. Теоретически можно, если у ракеты сломается двигатель. На практике мне помог светофор. Красный. Великий уравниватель, чёрт бы его побрал.

Я с визгом оттормозилась рядом с этим засранцем и посмотрела в окно своей машины, пытаясь разглядеть, что за смертник сидит в чёрном звере.

Стекло тонированное, чернее моей души в пэ-мэ-эс. Я опустила своё, высунулась по пояс из окна и постучала костяшками пальцев в стекло.

Вежливо. Я могу быть вежливой, когда хочу показать, что я — леди. А потом перестаю быть леди, и это всегда неожиданно для собеседника.

Стекло опустилось. Медленно, с ленцой, как будто это было огромное одолжение. Внутри сидел... ну, вылитый принц из дешёвого сериала.

Тёмные волосы, скулы такие острые, что ими можно вскрывать конверты, рубашка белая, расстёгнутая на верхнюю пуговицу.

Он смотрел на меня с таким лицом, будто я — назойливая муха, которая мешает ему думать о высоком. Например, о налогах.

— Вы снесли моё зеркало, — сказала я. Голос спокойный, как у сапёра, который держит в руках бомбу.

Он даже не повернул головы. Он остался сидеть непоколебимо, и смотрел вперёд, на светофор.

— Оставьте номер страховой, — сказал он.

Голос — низкий, ровный, без единой эмоции. Как автоответчик, который не хочет с вами разговаривать.

— Простите? — я переспросила, потому что сначала подумала, что ослышалась.

Он достал телефон, не глядя на меня.

— Страховой номер. Моя компания всё оформит.

Я моргнула и секунду поразмышляла, не снится ли мне этот абсурд. Потом улыбнулась. На мой взгляд, пока ещё мило, но окно соседней машины, которое уже было открылось, чтобы заснять на телефон надвигающийся эпик, как-то резко закрылось.

— *Ваша* компания, — повторила я, делая особое ударение на «ваша». — Понятно. А вы лично выйти не планируете? Посмотреть на то, что натворили? Извиниться там... Это вообще в вашем лексиконе есть или словарь отдельно заказать?

О, он повернул ко мне голову. Это уже победа, я считаю.

Он долго и изучающе, как на экспонат в зоопарке, который вдруг заговорил, посмотрел на меня. С любопытством, но без капли уважения.

— Сколько ты стоишь, девочка? — спросил он. Спокойно, будто это самый нормальный вопрос в мире. — Назови сумму, я переведу.

И это было огромной, непростительной ошибкой. Потому что вот тут внутри меня что-то щёлкнуло.

Три секунды я переосмысливала всё своё мировоззрение и принципы: своё отношение к насилию, к гуманизму, к деньгам.

И к этому конкретному экземпляру, который, видимо, считал, что все проблемы решаются переводом. Потом я засунулась обратно в салон своей семёрки, взяла свой стакан с кофе, с удовлетворением отмечая, что он ещё горячий.

То, что доктор прописал.

И я выплеснула его прямо в открытое окно.

Его реакция была единственным живым, что я в нём увидела за весь разговор. Он охнул, сцепил зубы, отшатнулся, и выматерился — коротко, зло, с чувством.

Потом медленно, как в дешёвых голливудским фильмах, поднял глаза и посмотрел на меня. Так, что я поняла: это не гнев. Это что-то холодное, опасное, как лёд, который только что раскололся под ногами.

— Ты только что облила кофе рубашку за сорок тысяч, — сказал он тихо.

— Надо было ехать аккуратнее, — ответила я ему в тон.

Я бросила ему на колени свою потрёпанную, с загнутым уголком, визитку от страховой, и не глядя подняла стекло.

Светофор давно горел зелёным, скоро красный, и чот мне капец, как не хотелось оставаться тут. С ним.

Я врубила сразу вторую и, слегка дрифтнув, стартанула со светофора. В зеркало заднего вида, то единственное, которое у меня осталось, я видела, как его чёрный монстр стоит на месте.

Секунду. Три. Пять.

Потом медленно, очень медленно, он поехал следом. Но я уже не смотрела, мне хватило, чего я там не видела-то?

Дальше я мчала по улицам, нет оглядываясь. Нафиг.

До гаража я добралась без приключений, загнала «копейку», выключила двигатель, и тишина оглушила меня.

Вышла, обошла машину и посмотрела на место, где ещё сегодня утром было левое зеркало. Теперь там торчал голый кронштейн с огрызками пластика.

— Папа, — сказала я в темноту гаража, — я скучаю по тем временам, когда мои вечера были скучными. И когда я не лила кофе на рубашки снобов за сорок тысяч.

Гараж промолчал. Он вообще у меня был не особо разговорчивый. Только пах маслом и старым железом.

Я закрыла ворота, в блокноте нацарапала: «Зеркало — снять с козла». Имелся в виду тот самый дохлый «Москвич» на разборе, а не конкретный обладатель Lamborghini.

Хотя... и он бы туда отлично вписался. В блокнот, сразу напротив слово "Козёл".

Ну да ладно, выбросить его с головы. Я выбросила и поплелась домой пешком. Десять минут неспешным шагом от гаража до дома — это единственное, что меня радовало в этом районе.

Уже у подъезда мой телефон завибрировал. Номер не определился, но я же отчаянная, я взяла трубку, потому что в моём графике было время и на сюрпризы.

— Это Горин, — сказал голос. Тот самый, ровный, безжизненный. — Максим Горин. Ваша страховая отказала. У вашей машины не оформлен каско.

— Я знаю, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул от желания нахамить. — ОСАГО покрывает ущерб с виновной стороны. А виновная сторона — вы.

Он молчал, как будто переваривал.

— Мои юристы не согласны с этой трактовкой.

— Ваши юристы могут не соглашаться сколько угодно, — ответила я, прислоняясь к холодной стене подъезда. — У меня есть запись с видеорегистратора и свидетель — женщина в синей Kia, которая видела всё с соседней полосы. Если хотите, могу передать им копию, и посмотрим, с чем ваши юристы будут несогласны завтра.

Он замолчал так надолго, что я уже хотела сбросить звонок, даже телефоном потрясла, и тут он снова заговорил:

— Хорошо. Я возьму стоимость зеркала.

— И работы по установке.

— И работы, — повторил он, и в голосе проскользнуло что-то, отдалённо напоминающее усмешку. — Тогда договорились. Реквизиты пришлёте завтра.

Я уже хотела нажать «отбой», выдохнуть и забыть этот вечер как страшный сон, но он добавил, и голос его стал вдруг чуть живее:

— Вы работаете в автосервисе «Соколов» на Пролетарской?

Я застыла.

— Откуда вы знаете?

— Это написано на вашей рабочей куртке, — сказал он. — Которую вы, судя по всему, не снимаете.

Я опустила глаза. Синяя куртка с вышитым названием гаража на груди. Я в ней и поехала. И не заметила. Как идиотка.

— Спокойной ночи, — сказала я сухо, сбросила вызов и зашла в подъезд.

Поднялась на третий этаж, открыла дверь, швырнула ключи на тумбочку, закрылась изнутри, прислонилась спиной к двери и позволила себе один единственный вопрос: зачем он вообще перезвонил?

Мог бы послать юристов. Мог бы тянуть месяцами. Но он позвонил. В тот же вечер. Лично. И спросил про мой гараж.

Это не к добру.

Телефон завибрировал снова. Сообщение. Тот же номер.

Я открыла. Прочитала. И сначала вообще ничего не поняла, поэтому ещё раз три перечитала. А на четвёртый до меня стало доходить...

Глава 2

«Ваш гараж находится в здании по адресу Пролетарская, 14. Это моя собственность с сегодняшнего дня. Добро пожаловать, соседка».

Я перечитала сообщение три раза.

Первый — чтобы понять слова.

Второй — чтобы убедиться, что правильно поняла.

Третий — просто потому что мозг отказывался принимать информацию и требовал повторения, как тугой замок, в который вставляют неправильный ключ.

Потом я убрала телефон в карман, прошла на кухню, налила стакан воды и выпила его стоя, глядя в окно на ночной двор. Во дворе мирно стояли машины. Горел фонарь. Кот шёл куда-то по своим делам с видом существа, у которого всё под контролем.

— Везёт тебе, — сказала я коту через стекло.

Кот не обернулся. Ему было некогда.

Я поставила стакан, достала телефон снова и открыла поисковик. «Максим Горин Москва девелопер». Результаты появились мгновенно и в количестве, которое не предвещало ничего хорошего.

Forbes. РБК. Коммерсантъ. Интервью, фотографии, упоминания в деловых изданиях.

Совладелец холдинга «Горин & Партнёры». Специализация — коммерческая и жилая недвижимость. Активы по всему городу. Возраст — тридцать четыре года.

На одной из фотографий он стоял в стеклянном офисе с видом на Москву-реку. Белая рубашка, тёмный пиджак. Выражение лица ровное, закрытое, как дверь с кодовым замком. Интересно, в зеркало он на себя так же смотрит?

Я посмотрела на фотографию, потом на своё отражение в тёмном экране телефона — рабочая куртка, следы машинного масла на предплечье, волосы в кое-как собранном хвосте.

— Ну и отлично, — сказала я сама себе. — Ну и прекрасно.

Не поняла, правда, в чём "отлично" и где "прекрасно", ну и пофигу.

Легла спать и долго смотрела в потолок. Потолок, как и кот, ничего полезного мне не сообщил.

Утром я приехала в гараж в восемь, как всегда.

В восемь пятнадцать туда приехал Горин. Сюрприз, ёпта...

Я была под капотом клиентского «Фольксвагена», когда услышала звук — характерный, низкий, дорогой. Тот самый Lamborghini. Я выпрямилась, вытерла руки ветошью и посмотрела на въездные ворота.

Он вышел из машины в сером костюме, застёгнутом на все пуговицы, несмотря на то, что на улице было плюс двадцать три. В руке болталась папка с документами, а за ним, чуть поодаль, шёл молодой человек в очках с планшетом в руках. Такой образцово-показательный помощник, что казался нарисованным.

Горин остановился посередине двора и посмотрел на гараж с тем выражением, с каким смотрят на купленную на аукционе картину, которая в жизни оказалась раз в семь меньше, чем на фото.

Потом увидел меня, и его молчание с приподнятой бровью было ну таким красноречивым, что мне захотелось вытереть об него свои грязные руки.

— Соколова, — как сваю вбил.

— Горин, — ответила я в том же тоне. — Вы приехали с деньгами за зеркало? Я ещё не скинула реквизиты, а наличкой мне не надо.

— Я приехал по другому вопросу.

Помощник сделал шаг вперёд и протянул мне конверт. Красивый такой, плотный, белый, с логотипом холдинга в углу.

Я пожалала плечами, и без лишних рефлексий взяла его масляными пальцами.

Внутри было уведомление об изменении условий аренды. Официальное, с печатями.

Написанное языком, который юристы придумали специально для того, чтобы обычные люди дочитали до середины и сдались.

Но я не сдалась, меня папа воспитывал, и дочитала до конца.

Я медленно, прикусывая зубами маты, подняла на него взгляд.

— Вы повышаете аренду в два раза, — сказала я.

Голос был спокойный, и это был капец, какой нехороший знак, я знала это про себя. Чем я спокойнее, тем хуже для собеседника.

— Ставка приводится в соответствие с рыночной, — ответил Горин. — Предыдущий владелец держал её ниже рынка на сорок процентов.

— Предыдущий владелец был нормальным человеком.

— Предыдущий владелец был неэффективным управленцем. — Горин произнёс это без малейшей эмоции. — Это разные вещи.

Я сложила уведомление, убрала обратно в конверт и протянула помощнику.

— Не приму.

Помощник посмотрел на конверт, потом на шефа, но Горин старательно изображал недвижимость.

— Уведомление вручено лично, — сказал он. — Ваша подпись не требуется. У вас тридцать дней на принятие решения: либо вы соглашаетесь на новые условия, либо расторгаем договор аренды.

— Либо третий вариант, — сказала я.

— Третьего варианта нет.

— Всегда есть третий вариант, — я снова взяла ветошь и начала методично вытирать руки.

Ме-е-е-едленно. Не отводя от него взгляда.

— Я остаюсь на прежних условиях, потому что в моём договоре аренды прописан пункт о праве на пролонгацию по фиксированной ставке сроком на три года. Срок истекает через восемь месяцев. Можете проверить у своих юристов, они наверняка уже читали документы. Надеюсь.

Я подождала, когда он моргнёт и продолжила:

— Надеюсь. Они читать умеют.

Тыңц! Что-то неуловимое промелькнуло на его лице, кажется, нижняя челюсть чуть выдвинулась вперёд. Если бы я не смотрела внимательно, я бы не заметила.

— Юрист свяжется с вами, — сказал он ровно.

— Буду рада, — я развернулась к «Фольксвагену». — Выход там же, где и вход. Закрывайте ворота с внешней стороны, пожалуйста, сами. У меня работа.

Горин уехал в восемь тридцать.

Я работала до часа дня, не думая об этом разговоре.

Почти.

Потом сходила к соседям, в слесарную мастерскую Рашида, маленькую пекарню Тамары Ивановны и стоматологию на первом этаже, которую держал молчаливый Вадим Петрович.

Все они арендовали помещения в том же здании, и все они получили те же конверты. Тамара Ивановна пила валерьянку прямо из бутылки.

— Я не потяну, — стонала она, икая, сидя на мешке с мукой. — Ева, я не потяну! Мне и так едва хватает.

— Не паникуйте раньше времени, — сказала я. — У вас какой договор?

— Обычный. Без этой вашей... пролонгации.

— А срок?

— До февраля.

Я кивнула, достала блокнот и начала записывать. Я не была юристом. Я была механиком, у которой отец с детства приучил разбираться в договорах так же внимательно, как в схемах двигателя.

"Читай мелкий шрифт, Ева. Всегда читай мелкий шрифт" — говорил он постоянно.

К вечеру у меня была таблица с данными по всем арендаторам здания: сроки договоров, условия, потенциальные зацепки. Негусто, но кое-что было.

Я позвонила знакомому юристу Кириллу, который был мне должен за ремонт своей вечно ломающейся Honda.

— Кирилл, мне нужна консультация.

— Бесплатная?

— Ты мне должен за три визита и новый стартер.

— Значит, бесплатная, — вздохнул Кирилл. — Говори.

Домой я вернулась в половине десятого. Зашла, разулась, упала на диван, полежала минуту, поняла, что не лежит, встала, потому что диван был неудобный и я давно собиралась его выбросить, просто всё не доходили руки.

На кухне, пока закипал чайник, я смотрела на вечернюю Москву за окном и думала о том, что в жизни есть определённая математика.

Иногда ты едешь с заправки с кофе и думаешь, что худшее, что может случиться — это пробка. А потом тебе сносят зеркало, и оказывается, что тот, кто его снёс — теперь твой арендодатель.

Вселенная явно страдала нарушениями чувства юмора.

Телефон завибрировал. Сообщение от Кирилла.

«Посмотрел документы, которые ты скинула. Ева, там реально есть основания для зацепки. Но это долго. И нужны подписи всех арендаторов».

Я написала: «Будут подписи».

Отложила телефон, взяла чашку, налила туда кипятка, лень было тянуться за заваркой или кофе, и я сделала глоток кипятка.

И в этот момент в дверь позвонили.

Я посмотрела на часы. Двадцать два ноль семь.

Я не ждала гостей, но...

Открыла дверь, и обнаружила за ней не гостя, а всадника апокалипсиса. За ней стоял молодой человек в очках, помощник Горина, которого я видела утром. Он выглядел слегка нервно, держал в руках запечатанный конверт и смотрел на меня с видом человека, которому поручили задание, но не объяснили зачем.

— Добрый вечер, — сказал он. — Я от Максима Андреевича, он просил передать лично.

Я смотрела на конверт.

— Он знает, где я живу?

— Да, — сказал помощник.

— Откуда?

— Он знает всё. А что не знает — узнаёт, — и по его лицу было видно, что он предпочёл бы ответить иначе, но не может.

Я взяла конверт. Закрыла дверь. Вскрыла конверт.

Внутри не было документов. Была одна фраза, написанная от руки на листе плотной бумаги — коротко, без обращения и подписи:

«Ваш пункт о пролонгации не действителен. Прежний владелец подписал его без согласования с совладельцами. Документ оспорен. Жду вашего юриста в пятницу в десять утра».

Знакомство с героями

Ева

Горин

Глава 3

Я не плачу.

Это важно уточнить сразу, потому что когда я сижу на полу в коридоре, прислонившись спиной к входной двери и держу в руках чужую бумажку с чужим почерком — это выглядит именно так.

Как будто я плачу.

Но я не плачу.

Я думаю.

Просто у меня такая поза для размышлений.

Папа думал на табуретке в гараже. Я — на полу в коридоре. Семейная черта.

Я перечитываю записку ещё раз.

«Ваш пункт о пролонгации не действителен».

Мелкий аккуратный почерк. Человек, который так пишет, привык формулировать точно и без лишнего. Никаких завитков, никаких помарок. Всё по делу. Холодно, ёмко, убийственно.

Я складываю листок и убираю его в карман рабочей куртки, которую так и не сняла. Потом встаю с пола, иду на кухню и ставлю чайник второй раз, потому что первый давно выключился.

Думать буду с чаем. Так честнее.

Гараж на Пролетарской папа открыл, когда мне было одиннадцать.

До этого он работал наёмным механиком в разных местах, у разных людей, с разной степенью их адекватности. Он никогда не жаловался.

Приходил домой с чёрными руками, садился ужинать, спрашивал как у меня дела в школе и слушал. По-настоящему слушал, а не так, как слушают взрослые, когда кивают и думают о своём, а так, что я каждый раз чувствовала: вот, именно сейчас, важна только я.

Когда появился гараж, он взял меня туда в первый же день.

— Это наше, — сказал он просто, открывая ворота и запуская меня внутрь.

Не моё. Наше. Мне было одиннадцать, и я тогда не вполне понимала, что именно это слово значит. Но я поняла это, позже.

Я помогала ему с двенадцати лет. Сначала просто подавала инструменты и путалась под ногами, потом постепенно начала разбираться сама. Папа учил терпеливо, без раздражения.

Он вообще был человеком, который не раздражался по пустякам — редкий дар, который мне, к сожалению, не передался. Мне и пустяков не надо, если что, и у меня вместо этого дара — хорошая реакция и высокий болевой порог. Тоже неплохо, но совсем другое.

К восемнадцати я уже могла самостоятельно делать почти всё, что умел он.

К двадцати двум я работала в гараже на равных.

К двадцати четырём его не стало.

Чай готов. Я наливаю его в большую кружку с отколотой ручкой — папина кружка, само собой — и иду в комнату. Сажусь на диван. Неудобный диван, надо всё-таки выбросить.

За окном Москва продолжает своё ночное существование, где-то едет машина, гудит, смолкает.

Я думаю о том, что рассказала мне мама три года назад, после похорон, когда мы разбирали папины бумаги. Она говорила спокойно, почти без выражения, она всегда так говорила о вещах, которые её разрушали. Это тоже семейная черта, только мамина.

Четыре года до его смерти — папа потерял первый гараж.

Не этот. Другой. Больше, в лучшем месте, с хорошей клиентурой — он арендовал помещение в здании на Таганке почти десять лет. Исправно платил, никогда не задерживал. Здание

продали. Новый владелец расторг все договоры аренды досрочно, предложил смешную компенсацию и дал месяц на выезд.

Месяц.

Папа пытался оспорить. Нанял юриста на последние сбережения, а юрист оказался либо плохой, либо просто честный: сказал, что шансов мало. Договор был составлен так, что новый владелец действовал в рамках закона. Формально. Всё формально, всё чисто, всё по бумагам.

Здание снесли и на его месте построили элитный жилой комплекс. Красивый, надо признать, я иногда проезжаю мимо, вижу его.

Папа нашёл новое место — вот то самое, на Пролетарской. Меньше, хуже расположение, дороже аренда. Начинал почти с нуля. Он никогда не говорил об этом как о трагедии, он всегда говорил «ничего, разберёмся», и я верила ему, потому что он всегда разбирался.

Но я видела, как он изменился. Незаметно, постепенно, как металл, который начинает ржаветь не снаружи, а внутри.

Он стал тише, стал уставать быстрее, стал иногда сидеть за ужином и смотреть в одну точку, думая о чём-то, о чём не говорил.

Инфаркт случился в гараже. В семь утра, когда он пришёл, как всегда, раньше всех. Его нашёл Рашид из соседней мастерской в половине девятого, когда зашёл за советом.

Мне позвонили, когда я была в дороге. Я остановила машину на обочине и сидела там двадцать минут, глядя на поток машин. Потом поехала в больницу. Потом оказалось, что уже в морг.

Я не плакала и тогда тоже, просто сидела и думала, на водительском сиденье.

Компания, которая выкупила то первое здание, называлась «Горин & Партнёры».

Я узнала это не сразу. Через год после папиной смерти, когда разбирала его папку с документами, а он хранил всё, каждую бумажку, он был очень аккуратным человеком.

Нашла договор, нашла переписку с юристом, нашла название новых владельцев.

«Горин & Партнёры».

Я тогда погуглила и нашла фотографии. На них был пожилой мужчина с усталым лицом — Андрей Горин, основатель холдинга. Почитав про него всё, что нашла я поняла, что это был жёсткий, умный, сделавший состояние на перепродаже коммерческой недвижимости в девяностые и нулевые.

Два года назад он умер, и почему-то это меня не обрадовало так, как я того ожидала.

Про сына в тех статьях говорили мельком, то он есть, Максим Горин, совладелец, вошёл в бизнес в двадцать шесть. Управляет направлением коммерческой аренды.

Я закрыла вкладку и больше к этому не возвращалась.

Незачем было. Тех людей в моей жизни не существовало — они были просто именем на бумаге, олицетворением системы, которая перемалывает маленьких людей без злого умысла и личной ненависти. Просто потому что может. Просто потому что так устроено.

Я не ненавидела их персонально. Я ненавидела это «просто потому что».

Сейчас я сижу с папиной кружкой и смотрю на сложенный листок в кармане куртки.

Максим Горин.

Тот самый сын. Теперь он мой арендодатель. Человек, который вчера ночью стоял передо мной у светофора с выражением закрытой двери на лице и спросил «сколько ты стоишь».

Можно было бы сказать, что это судьба, но я не верю в судьбу. Я верю в совпадения, которые случаются чаще, чем нам хотелось бы.

Я допиваю чай. Он уже холодный, как и мои надежды.

Встаю, убираю кружку в раковину, иду в ванную и смотрю на себя в зеркало. Рабочая куртка, тёмные круги под глазами, волосы, которые давно просят нормального ухода. Обычное лицо обычного человека, у которого завтра с утра три записи и послезавтра нужно платить за электричество.

— Ладно, — говорю я своему отражению.

Отражение смотрит на меня серьёзно, оно знает, что «ладно» у меня означает не капитуляцию.

Я снимаю куртку, вешаю её на крючок у двери иду спать. Но я не сплю, я лежу в темноте и думаю о пятнице, о юристе, о Кирилле с его Хондой, о Тамаре Ивановне с валерьянкой, о папиной таблице инструментов, которую он нарисовал маркером прямо на стене гаража и которая до сих пор там.

И засыпаю почти сразу.

Мне снится гараж, папа сидит на табуретке и что-то говорит. Я не слышу — далеко, и иду ближе, но расстояние не сокращается. Так и проходила всю ночь.

Просыпаюсь в шесть от законка телефона.

Незнакомый номер. Не тот, что вчера — другой. Беру трубку, потому что в шесть утра незнакомые номера — это либо ошибка, либо что-то важное.

— Соколова? — голос незнакомый. Низкий, мягкий, с лёгкой южной интонацией. — Меня зовут Олег Завьялов. Мы с вами не знакомы, но у нас, кажется, есть общая проблема. Её зовут Максим Горин.

Я сажусь на кровати.

— Слушаю вас, — говорю я осторожно.

— Вот и отлично, — говорит Завьялов. И в голосе его мне слышится улыбка. Та, которую я ещё не умею читать, но почему-то уже не люблю.

Глава 4

Завьялов говорил красиво.

Это я поняла в первые две минуты разговора. Красиво, гладко, с паузами в нужных местах, как человек, который давно знает, что слова — это инструмент, и обращается с ними профессионально.

Предложил встретиться, обсудить «общие интересы», намекнул, что располагает информацией, которая может мне помочь в споре с Гориным.

Я сказала, что подумаю.

Он сказал, что долго думать не стоит, что время, как известно, деньги.

Я сказала, что у меня с деньгами сейчас не очень, поэтому со временем обращаюсь бережно.

Он даже заткнулся на секунду, но потом он засмеялся, коротко, чуть захлебнувшись, как будто не ожидал. Продиктовал номер. Попрощался.

Я положила телефон на тумбочку и долго смотрела на него. Потом встала, пошла на кухню и приготовила нормальный завтрак — яичницу с помидорами, тост, кофе.

Настоящий, в турке, не из автомата. Потому что думать лучше с нормальным завтраком, а думать мне сегодня предстояло много.

Номер Завьялова я не сохранила. Просто запомнила. На всякий случай.

В гараж я приехала к восьми. Рашид уже был у себя, я слышала, как он что-то напевает на своём, пока возится с железом. Тамара Ивановна, судя по запаху сдобы, тоже пришла рано.

Жизнь в здании на Пролетарской продолжалась с упрямством, которое я уважала.

Первую запись я закрыла к одиннадцати, и пока клиент расплачивался, я позвонила Кириллу.

— Ты смотрел документы?

— Доброе утро, Ева, — сказал Кирилл укоризненно.

— Доброе, — пропустила я укоризну. — Смотрел?

Кирилл вздохнул с видом человека, который давно смирился со своей участью.

— Смотрел. Горин прав, но формально. Но прав, — он снова красноречиво вздохнул. — Понимаешь, предыдущий владелец подписал твой пункт о пролонгации в обход согласования с совладельцами холдинга. Это нарушение внутреннего регламента компании, и они могут оспорить документ. Скорее всего — успешно.

Я молчала.

— Но, — добавил Кирилл, и в этом «но» было ровно столько, чтобы я не бросила трубку, — есть один момент. Ты пользовалась этим пунктом уже дважды — платила по фиксированной ставке, они принимали платежи без возражений. Это можно квалифицировать как фактическое согласие с условиями договора, который они и пролонгировали. Не железно, но аргумент.

— Это работает?

— В суде — возможно. Если повезёт с судьёй и не повезёт с их юристами.

— У них хорошие юристы.

— Я знаю, — сказал Кирилл. — Поэтому говорю «возможно», а не «да».

Я поблагодарила его и отключилась. Постояла посреди гаража, глядя на инструментальную стену — папину таблицу, нарисованную маркером. Каждый инструмент на своём месте, каждое место подписано. Порядок в хаосе. Папин принцип.

Ладно.

Если не через суд — значит, по-другому.

К обеду я собрала всех арендаторов здания в пекарне у Тамары Ивановны. Помещение было маленькое, пахло корицей и тревогой, стульев на всех не хватило, и Вадим Петрович из стоматологии принёс складной из кабинета.

Рашид пришёл в рабочем комбинезоне и с кружкой чая, который он, кажется, не выпускал из рук никогда.

Нас было семеро. Семь арендаторов, семь разных историй, одна общая проблема.

Я объяснила ситуацию коротко и без украшений. Новый владелец, повышение аренды, сроки. Кто в какой ситуации сейчас находится, я попросила высказаться по кругу.

Тамара Ивановна: договор до февраля, повышение критическое, съедет если придётся, но не хочет.

Рашид: договор до марта, повышение болезненное, но потянет, потому что у него хорошая клиентура.

— Но принципиально не хочу, Ева. Понимаешь? Принципиально, — добавил он и сделал такое лицо, что все всё поняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.